

23 АПР 1986

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА
г. Москва

ДЕКАБРЬСКИЕ ВЕЧЕРА

ВСТРЕЧА С ЧАЙКОВСКИМ

Когда будет написана история советской музыкальной культуры последней четверти XX столетия, 80-е годы непременно будут отмечены в ней как время утверждения замечательной традиции — фестиваля «Декабрьские вечера». В шестой раз собирает нынешней зимой Музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина любителей Прекрасного. В Белом зале, холодный мрамор которого, кажется, теплеет, когда звучит музыка, исполняются сочинения Чайковского. В экспозициях — малоизвестные картины Левитана и реликвии Дома-музея Чайковского в Клину.

Писать о концертах фестиваля в отрыве от выставок так же нелогично, как о выставках — вне звучания музыки. Ведь основная идея «Декабрьских вечеров» заключена во встрече различных искусств, открывающих друг в друге новые грани. Фестиваль продлится до конца месяца, но впечатления от клинской экспозиции столь ярки, что рождает желание сразу же поделиться ими. Потому что выставка эта не что иное, как встреча с самим Чайковским.

Старейший в нашей стране музыкальный музей — Дом Чайковского в Клину давно уже сделался местом паломничества всех, кому дорога русская музыка. В Клину к Чайковскому едут музыканты, поклонники его творчества со всего мира. Здесь, в уютном доме, окруженном так горячо любимой, так неподражаемо воспетой композитором среднерусской природой, были сочинены «Чародейка» и «Иоланта», «Спящая красавица» и «Щелкунчик». Пятая и Шестая симфонии, многие романсы. Здесь, где все осталось таким, каким было при Петре Ильиче, каждый обретает способность слышать музыку Чайковского тоньше, глубже. Не потому ли сокровища клинского музея никогда почти не покидали своих привычных стен, разве что в 1940 году, когда в канун 100-летия со дня рождения композитора в Москве была развернута большая юбилейная выставка — кстати, здесь же, на Волхонке, в Музее изобразительных искусств. И вот новая экспозиция — одно из первых звеньев подготовки к грядущему в 1990 году 150-летию со дня рождения Чайковского.

Рихтеровские фестивали — а именно он, Святослав Рихтер, инициатор и неизменный участник «Декабрьских вечеров», их душа и смысл — приучили уже нас к постоянному обновлению не только концертных программ и тематики выставок, что закономерно, но и самих принципов взаимодействия музыки, живописи и поэзии. Русскую музыку от Глинки до Метнера мы слушали на первом фестивале вместе с Пушкиным, Глинкой и Чайковским, взиравшими со знаменитых портретов Кипренского, Репина и Кузнецова. Восприятие музыки Моцарта на втором рождении двух разнонаправленных тенденций: шпалеры, офорты, детали интерьера вводили нас из XX века в XVIII, а удивительно современное прочтение музыки делало ее явлением не XVIII, а XX столетия. Уникальным контекстом для постижения английской музыки стала на третьем фестивале галерея портретов деятелей английской культуры — от Перселла до Вальтера Скотта, от Ньютона до Шеридана. Чудесным образно-эмоциональным прологом четвертых «Декабрьских вечеров», отданных мас-

терам XX века, сделался поэтический вечер, на котором Белла Ахмадулина, Лев Озеров, Евгений Евтушенко и Андрей Вознесенский читали стихи Блока и Маяковского, Пастернака и Заболоцкого, Лорки и Мандельштама, читали с той же увлеченностью, что и свои собственные стихи. Волнующей встречей шедевров романтической живописи с творениями Шуберта, Шумана и Шопена запомнился пятый фестиваль. Нынешний, шестой фестиваль, хотя он и возвращает нас к звучавшей на первом русской музыке, хотя и построен по монографическому принципу второго, Моцартовского, опять-таки во многом нов и необычен.

Переходишь от одной витрины к другой и будто проживаешь вместе с Петром Ильичом Чайковским всю его жизнь. Представление об атмосфере родительского дома, о ладе в отношениях между родителями и детьми (а их в семье было шестеро) дают любовно сохранявшаяся переписка отца композитора Ильи Петровича и будущей его жены Александры Андреевны, урожденной Ассиер, а также дневник Ильи Петровича с памятными замечаниями о взрослении детей, где между прочим рядом с накаляющимися детской рукой каракулями мы находим его лаконичную ремарку: «Намарал Петя». Небольшие овалы портреты родителей, семейное фото, запечатлевшее Петра Ильича в восьмилетнем возрасте...

Групповой портрет учащихся Училища правоведения в Петербурге, где товарищем Чайковского был будущий поэт А. Апухтин, рукопись юношеского романа Чайковского «Мой гений, мой ангел, мой друг» на стихи А. Фета и Аттестат об окончании училища (1859).

Прощение о зачислении в музыкальное училище при Русском музыкальном обществе — так называлась еще тогда (1862) Петербургская консерватория, нотный лист с учебным заданием студента Чайковского, диплом об окончании консерватории (1865) с серебряной медалью — высшей наградой тех лет. Всего три года отделяют свободного художника Чайковского от Чайковского — чиновника министерства юстиции. Композитору, едва начинающему свой творческий путь, наиболее прозорливые музыканты, прежде всего его консерваторский друг Г. Ларош, прочат блестящее будущее...

Книги, клавиры, партитуры — всего их в клинской библиотеке Чайковского около полутора тысяч. В экспозиции — наиболее примечательные, дорогие Петру Ильичу. «Чтение есть одно из величайших блаженств, когда оно сопровождается спокойствием в душе и не делается урывками, а постоянно», — писал он. Как актуальны эти строки в наш торопливый век, когда неспешность чтения даруется нам так нечасто! «Ундина» Жуковского, изданная в 1837 году Смирдиным, томик Жуковского с поэмой «Орлеанская дева», большой том Пушкина с «Евгением Онегиным» — всюду карандашные пометы Чайковского, избравшего эти сюжеты для

своих опер («Ундина» не была написана). Стихи Плещеева с нотным автографом начала романа «Осень», стихи А. К. Толстого с нотными строками романа «Кабы знала я, кабы ведала»...

Ноты, по которым учился Чайковский; ноты самых любимых Чайковским композиторов — один из томов полного собрания произведений Моцарта, подаренного ему П. Юргенсоном, партитура «Жизни за царя» Глинки, клавиры оперы Бизе «Кармен»; партитуры, хранящие ремарки Чайковского-дирижера, — «Тассо» Листа, Первая симфония Бородина; ноты, подаренные Чайковскому авторами сих автографов, — Скрипичная соната Грига, Вторая симфония Дворжана, Торжественный марш Глазунова, Элегия Рахманинова; наконец, собственные сочинения композитора — клавиры «Онегина» с его пометками, клавиры «Пиковой дамы» в серебряном переплете, подаренном ему одесскими музыкантами... Письмо Чайковского к Н. Ф. фон-Мекк (25 января 1878 г.) развернуто на странице, где говорится о программе завершенной Четвертой симфонии, письме к В. Л. Давыдову (11 февраля 1893 г.) рассказывает о работе над Шестой симфонией. А рядом с ними дневники Чайковского (от самого раннего, помеченного 1873 годом), записные книжки и черновые тетради (вплоть до той, что датирована 1890 годом и содержит наброски к «Пиковой даме» и секстету «Воспоминание о Флоренции»), письма к Чайковскому от Г. фон Бюлова, П. Виардо, Ф. Листа, Д. Арто, визитная карточка А. Чехова и фотография писателя с его автографами...

«Святая святых» экспозиции — мемориальный уголок с личными вещами Чайковского. На ломберном столе, что стоит обычно в кабинете-гостиной клинского дома, — бювар и чернильница с пером, именная почтовая бумага Петра Ильича (на водяном знаке изображен орлеанский памятник любимой его героини Жанны д'Арк), нож для разрезания бумаги и пенсне, метроном и ключ для настройки рояля, сафьяновая шкатулка, в которой композитор хранил самые дорогие ему фотографии, подаренные друзьями, черновая тетрадь с набросками музыки «Пиковой дамы». Рядом на пюпитре — авторская рукопись партитуры Третьей симфонии великого художника (любезно предоставлена Центральным музеем музыкальной культуры имени Глинки) и портрет Николая Рубинштейна, памяти которого Чайковский посвятил это свое сочинение.

...Мысль показать на «чайковском» фестивале выставку из Дома-музея в Клину абсолютно закономерна. Однако от всех организаторов «Декабрьских вечеров» потребовалась немалая смелость для того, чтобы выставка эта предстала именно такой, какой мы ее увидели. Так уж сложилось, что мемориальные экспозиции предпочитают знакомить нас сегодня не с подлинными документами, а с их копиями. Тому есть, конечно, свои причины: и стремление сохранить документы, болезненно

реагирующие на воздействие света, загрязненной атмосферы, и значительно усовершенствованное искусство изготовления копий, неотличимых порой от оригиналов. Отметим, что за последний десяток лет на нашей памяти едва ли не единственная экспозиция, на которой были выставлены подлинные рукописи великого писателя, — юбилейная выставка к 150-летию со дня рождения Льва Толстого (1978) в его московском музее.

Говорю все это, чтобы еще раз подчеркнуть: да, организаторы «Декабрьских вечеров», хранители Дома-музея Чайковского в Клину пошли на известный риск. Но риск абсолютно оправданный. На фестивале Святослава Рихтера, где звучит великая музыка, где выступают большие музыканты, поражающие глубиной исполнительского прочтения шедевров, где царят подлинные чувства и переживания, полнейшее доверие между музеем и зрителями, артистами и слушателями, невозможны были бы никакие, даже самые искусные копии. Они стали бы нонсенсом, разрушили бы самый дух, самую сущность «Декабрьских вечеров».

Иное дело — блистательный парад реликвий жизни и творчества Чайковского, который делает реальной встречу с композитором для каждого слушателя фестиваля, во сто крат умножает ответственность выступления в его программах всех музыкантов. «Вечера» 1986 года и для них связаны с немалым риском, и от них требуют творческой смелости. Есть все основания верить, что и этот риск полностью оправдан. Порукой тому блистательный состав участников концертов: Квартет имени Бородина и Государственный камерный хор под управлением Валерия Полянского, Михаил Плетнев и Юрий Башмет, Наталия Гутман и Олег Каган, наконец Святослав Рихтер, чье исполнение фортепианных пьес Чайковского на первом фестивале в музее памятно до сих пор, Святослав Рихтер, которого мы услышим на этот раз в Фортепианном трио Чайковского «Памяти великого художника».

Поблагодарим же несколько поколений работников Дома-музея Чайковского в Клину, кому мы обязаны великолепной сохранностью реликвий композитора и множественным научным открытиям. Поблагодарим нынешнего директора музея Галину Ивановну Белонович и заведующую отделом рукописей Полину Ефимовну Вайдман. Поблагодарим директора Музея изобразительных искусств имени Пушкина Ирину Александровну Антонову. Без огромной подготовительной работы, равно творческой и организационной, фестиваля и его экспозиций просто не было бы. «Декабрьские вечера» 1986 года стали данью нашему преклонению перед памятью великого художника — Петра Ильича Чайковского.

Виктор ЮЗЕФОВИЧ,
кандидат искусствоведения.